

ROMAN SZUBIN

Между „памятью прошлого” и „памятью будущего”: проблема ретроспективной предвзятости и идентичности в *Войне и мире* Льва Толстого

Between “memory of the past” and “memory of the future”:
The problem of retrospective bias and identity in Leo Tolstoy’s
War and peace

Abstract. This article attempts to trace Leo Tolstoy’s critical approach to the Patriotic War of 1812 against the backdrop of Russia’s defeat in the Crimean War (1853–1855). In reconstructing the events of 1812, Tolstoy exposes a common flaw in Russian historiography and documents: retrospective bias. Following Tolstoy, the method of total distrust of historical sources and memoirs allow us to identify such forms of retrospective bias as anachronisms, *argumentum ad consequentiam*, backdating, and irresponsible thinking. Deconstructing the main myths of Russian history, Tolstoy consistently deposes the heroes of the war of 1812, as well as the internal party and covert warfare within the Russian army. Drafts for volume 3 of *War and peace* show that Tolstoy initially leaned toward the German version of the assessment of the key event – the Battle of Borodino. However, in the final version, the Russian historiographers’ version prevailed: Kutuzov’s moral victory over Barclay de Tolly, linked to the myth of a stolen victory. Considerable space is devoted to the analysis of one scene, which shows how, according to Tolstoy, the myth of the Russian victory in the Battle of Moscow was formed.

Keywords: Leo Tolstoy, the war of 1812, hindsight bias, retrospective patterns, demythologization

Roman Szubin, Adam Mickiewicz University, Poznań – Poland, szubin@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

Вступление. Победа в категориях поражения

Кандидат в „иноагенты” в прошлом и настоящем, Лев Толстой, которого в последнее время стало модным вновь противопоставлять Федору Достоевскому, поневоле обслуживающему интересы Z-патриотов, весь третий том *Войны и мира* посвятил Отечественной войне 1812 года. Обращение к истории у Толстого ретроспективно и направлено на пересмотр „памяти про-

шлого”: „[эстетизованную] манеру спокойного воспоминания о далеко отошедшем прошлом” (Bahtin 2003: 212), на обрушение нарратива о „славном **былом**, которое бы слилось с [...] **настоящею** славою” (Nogov 45). Фронда Толстого относительно исторических нарративов (см. Zorin; Majorova; Potarova; Zubkov; Wojanowska; Woânovska)¹, „патриотических сочинений о 12-м годе” (Tolstoj 1949: 54–55) вызвала волну критики и обвинения в неисторичности со стороны ветеранов (Dergačeva, Dergačev). Доходило до абсурда: престарелый Петр Вяземский в ответ на исторические экскурсии Толстого *post factum*, après coup, в 1868 году, стал писать свои *Воспоминания о 1812 годе*, в которых пытался показать „как было на самом деле”, в то время как Толстой отчаянно критиковал именно эти запоздалые проявления „памяти прошлого” (см. Vâzetskij).

Но задача Толстого сводилась не к одному лишь пересмотру истории; он попытался внести нравственное измерение в „память будущего” (Bahtin 2003: 217) и изобразить события через *другого* – человека, уже пережившего поражение в Крымской войне (1853–1855). Из точки 1856 года Толстой возвращается к началу века и проводит своих героев, а также память о „героических” временах, через „эпоху неудач и поражений”, „через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 года”: „Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама” (Tolstoj 1949: 54).

Нас же интересует следующий аспект. Пытаясь разложить событие на „бесконечно-малые величины” (Tolstoj 1940a: 266), Толстой устанавливает определенную оптику на историческую перспективу, то есть ретроспективу, и тем самым предопределяет а) вскрытие пороков предшествующей русской историографии и мемуаристики, формирующей или обслуживающей мифы, б) небывалую до тех пор задачу отделить мифотворческий пласт от события в момент изображения войны, то есть демифологизировать и дегероизировать событие. Назовем этот подход Толстого тотальным недоверием к источникам и рассказам очевидцев, или **герменевтикой подозрения**², с легкой руки Поля Рикера (см. Vahštajn). В данной статье мы сосредоточимся на сопоставлении текстов „документов эпохи” и реконструированной на их основе одной сцены под конец Бородинского сражения (глава 3.2.XXXV)³,

¹ Мы очень признательны анонимному рецензенту за указание на целую серию публикаций по данной проблематике.

² Все выделения жирным шрифтом в тексте и цитатах наши – Р.Ш.

³ Здесь и далее: в скобках приводятся отсылки к тексту *Войны и мира* по следующей системе: первая арабская цифра – номер тома эпопеи, вторая цифра – номер части, римская цифра – номер главы.

постараемся проследить, насколько точно сам Толстой следовал своему методу, насколько верно он смотрел в разработанный им прибор, призванный выпрямить ретроспективную кривизну.

Ретроспективная кривизна, ретроспективная предвзятость

После поражения России в Крымской войне память о Наполеоновских войнах обнаружила определенный диссонанс, не вписывающийся в новую русскую историю. Публикация в 1859–1860-х гг. трехтомной *Истории Отечественной войны по достоверным документам*, написанной Модестом Ивановичем Богдановичем (1805–1882), несмотря на привлечение большого количества документального и мемуарного материала, послужила легализации новых мифов, и это уже понималось в 1869 году (см. Žukov). В целом русская мемуаристика и другие документы эпохи страдали общим для всех источников недостатком: ретроспективностью, конъюнктурностью, поздним временем своего создания, объяснением событий с учетом известного (или заранее установленного) результата, влиянием ретроспективных паттернов, сформированных памятью о завоевательных войнах XVIII века (см. Szubin).

Эту проблему Толстой обозначил в ряде выводов и оценок, тем самым приблизившись к парадоксу немецкого военного теоретика (и участника кампании в русской армии) Карла фон Клаузевица. Парадокс Клаузевица гласит: в ходе кампании 1812 года русские не одержали ни одной победы, французы не потерпели ни одного поражения, но в итоге Великая армия была истреблена, а русским досталась слава победителей (Клаузевиц 124). Толстой же замечает, что русское отступление и сдача городов приближала русских к победе, а продвижение Наполеона в глубь страны и занятие Москвы приближало его к поражению (3.2.1); эти же мысли повторены в конце эпопеи (4.3.XIX): „отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова” (Tolstoj 1940b: 167).

Но как раз в первом ключевом фрагменте (3.2.1) Толстой справедливо замечает, что все проницательные объяснения авторов источников появились постфактум, в момент же события никто не предвидел того, чем оно закончится, а великие личности руководствовались не планами и расчетами, а личными пристрастиями, тщеславием, предрассудками. Таким образом писатель отметил важнейшую закономерность, предопределяющую предвзятое толкование истории: ретроспективную кривизну или ретроспективную предвзятость. Это явление, придающее фактам силу неизбежности и фатальности („нормативная сила фактов”), использует британский историк

Кристофер Кларк⁴ (см. Clark) в исследовании причин развязывания Первой Мировой войны (Clark 460–461). Толстой превосходно описал зазор, образующийся в двух временных ситуациях: в момент события и после события, между актором события и актором ретроспекции (3.2.I):

Но все эти намеки на предвиденье того, что случилось, как со стороны французов, так и со стороны русских, выставляются теперь только потому, что событие оправдало их. Ежели бы событие не совершилось, то намеки эти были бы забыты, как забыты теперь тысячи и миллионы противоположных намеков и предположений, бывших в ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытых. Об исходе каждого совершающегося события всегда бывает так много предположений, что, чем бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажут: „Я тогда еще сказал, что это так будет”, забывая совсем, что в числе бесчисленных предположений были делаемы и совершенно противоположные (Tolstoj 1940a: 100–101).

Так проявляются два из трех эффектов знания задним числом – **предсказуемость** события и **убежденность** в своем знании (Roese, Vohs). В черновых записях к 3-му тому Толстой более подробно останавливается на психологическом эффекте самообмана „спящего сознания”: „[...] вы увидели сон, и вы под него подделываете будущее и ждете, не признаваясь себе” (Tolstoj 1953: 126; Šklovskij 508–509), а подведение (у Толстого – *подделывание*) объяснения под факты связывает с ретроспективной предвзятостью, называя ее французским фразеологизмом *après coup* ‘задним числом’ (досл. ‘после удара’; ср. пословицы: (фр.) *Prophète après le coup*, (лат.) *Vaticinium ex eventu*, (русс.) *Русский человек задним умом крепок*:

[...] тогда как все остроумие Бисмарка только подделывалось под историческое, неизбежно имевшее совершиться событие. Этот обман наш происходит от двух причин: во-первых, от психологического свойства подделывания *après coup* умственных причин тому, что неизбежно совершается, как мы подделываем сновидения в прошедшем под факт, совершившийся в минуту пробуждения [...] (Tolstoj 1953: 12–13).

Ретроспекция для Толстого – это „прием, которым оправдывают и подтверждают предчувствия и предсказания” (Tolstoj 1953: 61).

Эти рассуждения Толстого о запоздалом „подделывании” спящим сознанием исторических причин и целей предвосхищают очень многие научные открытия: теорию толкования сновидения Зигмунда Фрейда, „историческую инверсию” в романе (Bahtin 2012), концепцию мифотворческого мышления, основанного на обратном переносе по принципу „главное есть старшее” (Ajgarêtân 220), исследования в области социальной психологии по феномену

⁴ См. Christopher Clark, *The sleepwalkers: How Europe went to war in 1914*, London, Allen Lane, 2012.

знания задним числом и ретроспективной предвзятости (Fischhoff; Roese, Vohs), философскую концепцию наследственной „ошибки по умолчанию” Бернарда Стиглера (Stiegler).

Мифы „славной” кампании

Итак, согласно вышеозначенной закономерности – образующемуся зазору между событием и ретроспекцией – в русской историографии появляются различные мифы.

Миф, который имеет отношение к нашей теме, можно назвать мифом об упущенной победе, и касается он болезненного для русской историографии вопроса об итогах Бородинского сражения. Официальные историки, основываясь на письменном приказе Михаила Кутузова (Beskrovnyj 150–151) о намерении продолжить сражение на следующий день, делают однозначный вывод о победе: русские обнимаются, качают гонцов, празднуют победу (Mihajlovskij-Danilevskij 271). Мемуарные и литературные свидетельства пронизаны ожиданием продолжения битвы:

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять... (Lermontov 66).

Однако Толстой в черновиках показывает резкое противоречие между этим ретроспективно завышенным ожиданием успеха и реальным положением дел: „Люди, имевшие это глупое, неразумное сознание о том, что сражение выиграно несмотря на то, что мы отступили, сообщали его друг другу” (Tolstoj 1953: 221). Он изображает эти события в аспекте **искажения памяти** – третьего эффекта феномена знания задним числом, выраженного формулой ‘I-said-it-Would-Happen’ (Roese, Vohs), то есть ложью и самообманом „спящего сознания”. Толстой показывает полное уничтожение и **моральное поражение Кутузова**, не способного или не желающего признать очевидное:

После сражения при Бородине Кутузов писал следующим образом, писал государю, что **бог помог ему наголову разбить французов** (здесь и далее выделено нами – Р.Ш.). И Наполеон, глава этих французов, писал, что **бог помог ему наголову разбить русских**. Да как же было не писать этого Кутузову, когда он, еще приехав к войску, обещал, что разобьет, Радопчину писал, что не пустит в Москву, и Вольцогену, который в конце сражения приехал объявить ему, что мы везде разбиты (**что было правда**), отвечал при всех (он думал, что надо так отвечать именно от того, что это было при всех), что я сам знаю подробности сражения, французы везде разбиты и завтра мы их погоним дальше (Tolstoj 1953: 89).

Приказ о продолжении боя был дан неохотно и по требованию Михаила (Михаэль Андреас) Баркляя де Толли, который хотел избежать ответственности за безрассудные приказы Кутузова: „Кутузов, не глядя на Вольцогена, приказал написать этот приказ, который весьма основательно, руководимый здравым смыслом, для избежания личной ответственности желал иметь главнокомандующий 1-й армией” (Tolstoj 1953: 223).

Но есть и второй приказ об отступлении русской армии за Можайск. Приказ этот **не датирован** (дата выставлена публикаторами – 27 августа) и в *Сборнике документов* располагается после письма Кутузова Федору Ростопчину о намерении отойти за Можайск от 27 августа по ст. ст. (Beskrovnyj 156). Армия по обыкновению получила устный приказ об отступлении еще перед полночью: „Но в полночь получено было предписание князя Кутузова отступать за Можайск” (Bogdanovič 221). И закономерно возникает эффект обрушения надежд: „Упорное сопротивление русских войск в незабвенный день Бородинской битвы поселило в наших воинах надежду преградить неприятелю путь к Москве; **и от того невозможное казалось возможным**” (Bogdanovič 221). Противоречие это, вызванное „нормативной силой факта” (Klark), до сих пор ставит в тупик историков и порождает дискуссии о результатах Бородинской битвы (см. Ejdeman⁵). О том, что сражение проиграно русскими, писал его участник Карл фон Клаузевиц 12 сентября 1812 г. по н. ст.: „Мы проиграли сражение, но в меру” (Klauzevic 210).

Однако для Толстого важно: именно в этот период, в отсрочку, данную Наполеоном, в промежуток между двумя приказами и зародился миф о победе. Применяя метод тотального подозрения, он пытается вскрыть „обман спящего сознания”, проследить подлинную мотивацию Кутузова, который целенаправленно и методично пытается внушить всем мысль о победе:

Но так как вся наша армия состояла из русских и рядовых воинов, испытывавших одно и то же чувство ненависти к врагу и оскорбления, то голоса людей неразумных нашли больше веса, и **большинство разделяло глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили** (Tolstoj 1953: 221).

Итак, можно постулировать правило ретроспекции: только потеряв возможность победить, русские стали твердить об упущенной победе, согласно древнерусской поговорке *После рати храбрых много* (Simoni 136), ср. лат. *Post bellum auxilium*. Иллюзию победы Богданович описал так: „Упорное сопротивление русских войск в незабвенный день Бородинской битвы

---

⁵ В 2022 году, с начала агрессии России против Украины Тамара Эйдельман внесена в список „иностранных агентов”, находится в эмиграции, а с 2024 года против нее возбуждено уголовное дело по статье о якобы „реабилитации нацизма” в России.

поселило в наших воинах надежду преградить неприятелю путь к Москве; **и от того невозможное казалось возможным**” (Bogdanovič 221). Эффект украденной победе целиком основан на ретроспективном искажении, при котором предыдущее, уже отмененное (аннулированное) событие – а это был первый приказ Кутузова о продолжении боя – отменяет последующее: второй приказ об отступлении. Здесь мы имеем дело с классическим ретроспективным зазором: память об эмоциях, владевших людьми после боя, заполняется resentimentом по отношению к неким „предателям” и „вредителям”, и совершенно новыми, свежими переживаниями:

Бывшая уже армия, хотя и значительно уменьшенная, подкрепив себя винною порцией и пищею, в чем не было недостатка, с большим бы еще ожесточением вступила в бой, а тем более **наступательный, столь свойственный удалеству русского человека** (Liprandi XX).

Изложенные участником сражения Иваном Липранди аргументы в пользу победы, оформленные с полувековым перерывом, представляют собой результат ретроспективной предвзятости: уставших людей он наделяет чрезмерной энергией, ср.: „[...] более, сытых, бодрых, одушевленных святом делом и рвавшихся в бой” (Liprandi XX). Выводы же, к которым приходит Толстой (3.3.П), разительно противоположны этому запоздалому бахвальству Ивана Липранди: „**Но в тот же вечер** и на другой день стали, одно за другим, приходиться известия о потерях неслыханных, о потере половины армии, **и новое сражение оказалось физически невозможным**” (Tolstoj 1940a: 270). В этих примерах Липранди выступает мифотворцем, а Толстой – разоблачителем мифа.

Однако в окончательном варианте своего романа Толстой меняет ролевые маски „вредителя” и „спасителя” и переносит их на Барклая и Кутузова соответственно. В вопросе о результатах генерального сражения, Толстой делает выбор в пользу своей национальной идентичности и заявляет о своей приверженности большинству, которое разделяет „глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили” (Tolstoj 1953: 221). Он начинает разыгрывать антинемецкую карту, используя аргументацию дискуссий 1840-х гг., выступает против Барклая де Толли, а Кутузова берет под защиту, приписывая ему математический склад ума и запоздалую прозорливость, словно еще до генерального сражения Кутузов предвидел его нецелесообразность (3.2.XIX):

Для Кутузова это было **математически ясно**, как ясно то, что ежели в шашках у меня меньше одной шашкой и я буду меняться, **я наверное проиграю и потому не должен меняться.**

Когда у противника шестнадцать шашек, а у меня четырнадцать, то я только на одну восьмую слабее его; а когда я поменяю тринадцатью шашками, то он будет втрое сильнее меня.

До Бородинского сражения наши силы приблизительно относились к французским как пять к шести, а после сражения как один к двум, то есть до сражения сто тысяч к ста двадцати, а после сражения пятьдесят к ста. А вместе с тем умный и опытный Кутузов принял сражение (Tolstoj 1940a: 185).

В итоговом варианте эпопеи (3.4.XXXIX) Толстой не признал поражения русских и вывел собственную формулу результата сражения: „[...] **победа нравственная**, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным” (Tolstoj 1940a: 265). Однако выражение „нравственная победа” двойственно и представляет собой прозрачный эвфемизм (не)полного военного поражения: русские войска не были полностью разбиты и отброшены, но вынудили Наполеона быть осторожным. Эту формулу подхватил и развил Сергей Троицкий, развенчавший немало мифов в личности Кутузова и кампании 1812 года (Troickij 297–300).

Безответственное мышление

Итак, главным объектом герменевтики подозрения Толстого является не столько исторический персонаж и давно свершившаяся история, сколько литература о войне и исторические заблуждения (мифы) современников. Толстой обращает внимание на главный порок документов эпохи – их ретроспективность и целую серию сопутствующих явлений: анахронизмы, предвзятые суждения, апелляции к последствиям (*argumentum ad consequentiam*), подлоги и фальсификации (см. Szubin). Даже такие, казалось бы, надежные документы, как военные приказы и распоряжения – замечает Виктор Шкловский (Šklovskij 509) – не вызывают доверия. Известно, например, что Кутузов часто датировал приказы задними числами, вводя своих соратников в заблуждение; результат генерального сражения под Бородином называл „победоносным” (Beskrovnyj 232), а жене и вовсе писал, что разбил Наполеона: „Я, слава богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонопартием” (Beskrovnyj 221).

Из анализа речевого поведения русских военачальников, погрязших в склоках, распрях, интригах, из донесений и доносов, адресованных единственному читателю – императору, можно сделать вывод, что Толстой затрагивает еще один эффект, вызываемый ретроспективной предвзятостью: **желание оправдать и оправдаться** и, соответственно, **безответственное**

мышление, определяющее поведение плута и трикстера. Носителя безответственного мышления характеризует двойственность и беспринципность взглядов, желание переложить ответственность на другого, нарушенная аргументация (переобувание на ходу), склонность к самооправданию. В этом плане Толстой дискредитирует абсолютно всех именитых героев 1812 года: Петра Багратиона, пишущего низкопробные доносы на Баркляя (3.2.V); Баркляя и его советника Людвига фон Вольцогена, выставленных высокомерными умниками и формалистами (3.2.XXV); плутоватого Кутузова, перед военным советом в Филях, когда решалась судьба Москвы, усиленно думавшего о том, на кого переложить ответственность за сдачу столицы (3.3.III). В донесении от 4 сентября 1812 г. по ст. ст. главнокомандующий перекладывает вину за сдачу Москвы на того, кто сдал Смоленск – Баркляя де Толли, упрекая его во всех неудачах кампании: „[...] последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал” (Beskrovnyj 234).

Итак, в черновиках Толстой доводит дискредитацию „дряхлого, слепого, развратного, неспособного Кутузова, как нам любят изображать его” (Толстой 1953: 221) до апогея, но в окончательной версии романа Толстой переносит критицизм на Вольцогена и Баркляя де Толли – тех, кому в черновиках приписывался здравый смысл и рассудок, выверенный и выпрямленный взгляд на ситуацию, и наоборот, склонен оправдывать того, кого упрекал в мифотворчестве и плутовстве.

Глава 3.2.XXXV – спор о результате сражения

Итак, мы подошли к анализу ключевого, хотя на первый взгляд незначительного, эпизода 3.2.XXXV, описывающего ставку Кутузова под занавес сражения. Это событие является контрапунктным, в нем концентрируются все нарративы, использованные Толстым: собственная черновая версия, официальная версия, заимствованная из *Истории* Богдановича, русский мифотворческий и немецкий разоблачительный нарративы⁶. В свою очередь, Богданович реконструировал этот эпизод на основе первоисточников: *Записок* Николая Раевского, *Мемуаров* Людвига фон Вольцогена, *Изображения действий Первой армии в 1812 году* Баркляя де Толли. Так что в этом контра-

---

⁶ К немецкому нарративу можно отнести, помимо цитируемых здесь авторов и их работ, также Вольдемара фон Левенштерна: Woldemar fon Lowenstern, *Denkwürdigkeiten eines Livländers* (Leipzig 1858) и Евгения Вюртембергского: Eugen fon Wurtemberg, *Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Rußland* (Breslau 1846).

пункте сходятся все главные участники: „спаситель отечества” Кутузов, „антигерой” Вольцоген, собственно автор плана глубокого отступления Вольцоген (см. Kuhle), и „герой” Раевский, готовый бросить в бой остатки войск. Проанализируем эти источники на предмет коммуникативной прагматики: кто говорил, когда и с какой целью.

С точки зрения художественности, данная сцена безукоризненная и архетипическая. Вольцоген, немец, приносит дурные вести: войска в смятении, позиции потеряны. Кутузов кричит, что знает лучше него, как обстоит дело на поле боя и произносит напыщенную фразу: „Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской” (Tolstoj 1940a: 3.2.XXXV). В нужный момент появляется „герой” Раевский, который подтверждает предположение Кутузова: войска стоят на своих местах, противник отступил, а русские готовы контратаковать. Русские торжествуют, немцы посрамлены.

В сравнении с черновыми набросками такое решение Толстого озадачивает: оно подыгрывает официальной истории, а не опрокидывает миф. В основных своих формах и сюжетно вся сцена совпадает с версией Богдановича, в ней даже сохранены противоречия, которые возникают в *Истории*: например, чтобы внести связность между элементами события, Вольцоген у Богдановича и Толстого вынужден ездить в ставку два раза, хотя сам Вольцоген описывает только один очень тяжелый и неприятный для него визит.

Богданович самоуверенно полагает, что Вольцоген в своем докладе о тяжелом положении войск проявил самовольство и солгал, „увлекся пылкостью изображения и донес главнокомандующему совершенно противное тому, что поручено было ему Барклаем” (Bogdanovič 547–548). Но с какой целью солгал – этого Богданович объяснить не может, поскольку ссылается на записи Барклая: тот окончание битвы описывает в оптимистических тонах: „Все утешались одержанною победою и с нетерпением ожидали следующего утра” (Barklaj de-Tolli 24).

Ошибка историка заключается в том, что все тексты, на которые он ссылается, написаны в разное время после события и по разному поводу. Раевский написал свои записки по-французски в 1827 году (поэтому он у Толстого и говорит по-французски) для работы Антуана-Анри Жомини (Davydov 32). Первая их публикация в переводе на русский осуществлена в *Замѣчаниях на некрологию Н. Н. Раевского 1829 года* Дениса Давыдова в 1832 году. Раевский описывает свой доклад и эмоциональную реакцию на нее Кутузова, выведенного из себя предыдущим докладчиком (Вольцогеном), но тут же добавляет странную фразу: „Это было не хвастовство с моей стороны; **может быть, я обманывался**, но я именно так думал во время сего разговора” (Davydov 70; Bogdanovič 548). Какая странная оговорка! В чем же ошибался боевой генерал? Не в том ли, что „в это время позиции наши были

еще за нами” (Davydov 69)? В таком случае это признание следует расценить как запоздалую попытку изменить свою оценку ситуации на поле боя. А ведь позиции, и среди них ключевая – Курганная высота, названная русскими батареей Раевского, а французами – *la fatale redoute*, были потеряны за несколько часов (!) до предполагаемого доклада. Богданович и Толстой оговорку Раевского не заметили.

Барклай де Толли писал свое *Изображение* в 1812–1813 гг. после вынужденной отставки в целях самооправдания и компрометации своего начальника Кутузова. Отставка же произошла после того, как донесение Кутузова от 4 сентября 1812 года с клеветой на Барклая было опубликовано в „Санкт-Петербургских ведомостях” 17 сентября по ст. ст. и стало достоянием общест­венности. Подвергнув сильной критике действия и бездействие Кутузова, Барклай не преминул случаем сыграть на противоречиях между первым и вторым приказом и внести эффект полной неожиданности: „Но в полночь я получил предписание, по коему обеим армиям следовало отступить за Можайск. [...] Причина, побудившая к сему отступлению, еще поныне от меня сокрыта завесой тайны” (Barklaj de-Tolli 24). А с формальной точки зрения отступление напоминало паническое бегство: „Сие отступление, почти под стенами Москвы, исполнилось в величайшем расстройстве” (Barklaj de-Tolli 24). То, что Барклай намеренно исказил картину и сыграл на противоречиях, видно уже из *Мемуаров* Вольцогена (1851).

Написанные в сороковых годах XIX века в ответ на фактические перегибы, допущенные в *Описании Отечественной войны 1812 года* (1839) Александра Михайловского-Данилевского, *Memoiren* содержат множество фактов, дискредитирующих Кутузова. Что интересно, Толстой учел этот источник, изобразив Кутузова таким, каким его описал Вольцоген. Последний пишет, что Кутузов намеренно отстранился от „страшной серьезности дня”⁷ (Wolzogen 146), устроив ставку вдалеке от поля сражения, окружил себя большой свитой молодых аристократов, предаваясь наслаждениям среди „бутылок шампанского и деликатесов”. У Толстого можем найти и куриный окорок в руках Кутузова, и „повеселевший взгляд”, а Сергей Бондарчук в фильме 1969 года показал даже солдата с рюмкой. У Вольцогена каплуна ел Карл фон Толь, любимец Кутузова и враг Вольцогена. Последний пишет, что Кутузов набросился на него с бранью: „У какой грязной маркитантки вы напились, что даете мне такой безвкусный доклад” [Bei welcher hundsfüttischen Marketenderin haben Sie sich besoffen, daß Sie mir einen so abgeschmackten Rapport machen?] (Wolzogen 146), и сам же объясняет это тем, что Кутузов

⁷ Здесь и далее – перевод наш (Р.Ш.).

был задет докладом „в присутствии множества лиц” (ср. Bogdanovič 220) и не хочет распространения слухов о поражении:

Я был тем более возмущен этим позорным приемом, что я передал только то, что видел собственными глазами в разгар сражения [...]. Конечно, сказал я себе, окружающие его люди не должны знать истинного состояния армии и, чтобы не противоречить подготовленному им боевому бюллетеню, должны оставаться в убеждении, что русские одержали славную победу (Wolzogen 146).

То есть в ответ на приходящие известия о плохом положении русской армии и о сдаче позиций Кутузов стал действовать таким образом, чтобы создать иллюзию о победе, распространить дезинформацию и в итоге обмануть императора. Толстой же, оправдывая Кутузова, преждевременное распространение и искажение слухов о победе именует заботой о „неуловимой силе, называемой духом войска” (3.2.XXXV), моральной поддержкой.

Что же касается реакции Баркляя де Толли на приказ Кутузова в *Мемуарах*, то она заметно отличается от его собственной в *Изображении*:

Барклай покачал головой и сказал мне, что не знает, откуда он возьмет силы сделать это завтра. Если бы кто-то захотел немедленно снова атаковать французов, это, возможно, было бы более осуществим. Но завтра истощение солдат, которые в течение двенадцати часов работали без еды и теперь не могли ничего получить ночью, будет настолько велико, что о новой атаке не может быть и речи (Wolzogen 147).

Но самое поразительное во всей этой ситуации другое: как представляют смену решения официальные историографы. В *Истории* Богдановича после доклада Вольцогена наступает вечер, и объехавший позиции любимец Кутузова полковник Карл фон Толь находит ужасающую картину боя: „Объехав вдоль линии этих войск, Толь везде нашел их расстроенными, не вполне успевшими собраться, и убедился в невозможности возобновления боя” (Bogdanovič 220). Фактически Толь слово в слово сообщает ровно то же самое, что и Вольцоген. И Кутузов на сей раз поверил; не дожидаясь полуночи, он командует отступление: „Но в полночь получено было предписание князя Кутузова отступать за Можайск” (Bogdanovič 220). Тем самым напрашивается вывод: важно не что происходит, а кто говорит и когда говорит.

Богдановичу надо отдать должное – он перечисляет грандиозные потери 2-й армии, но его описание обходит стороной все обозначенные противоречия: почему же, например, командующий 1-й армии „Барклай говорит, что он хотел ехать к князю с просьбою об отмене отданного приказа” (Bogdanovič 220)? У одного генерала все прекрасно, у другого все плохо, как и в случае с Вольцогеном и Кутузовым в описываемой сцене. Официальная историография опускает и момент произвольного отступления войск

с поля боя. Толстой же в параллель отступлению русской армии описывает бегство Пьера Безухова, между прочим, ополченного офицера. Вспомним и трех солдат-дезертиров, накормивших Пьера по дороге в Можайск (3.3.VIII) – они не с неба упали.

Должным образом истолковать это отступление историки, ветераны и современники были не в состоянии, они возмущались, искали виновных, убеждали себя в победе и тем самым обнуляли сам факт отступления.

Выводы

Итак, в ходе проведенного исследования мы выяснили следующее:

1. Толстой в изображении войны 1812 года резко и намеренно выступил против официальной историографии, питающейся запоздалыми свидетельствами очевидцев и мемуаров. Главный порок прежней историографии заключался в ретроспективной предвзятости, оценке и объяснении всех перипетий кампании с точки зрения конечного результата, конъюнктурности, желании оправдать и оправдаться, склонности к мифотворчеству.
2. В силу этого Толстой выработал метод демифологизации – тотального недоверия к первоисточникам, герменевтику подозрения, связанную с критикой „спящего сознания” – подгонки данных, аргументов и интерпретаций под результат задним числом.
3. На протяжении работы над романом Толстому следовало совершить выбор между двумя личностями: Барклаем де Толли, которому приписывается активность и рациональность, и Кутузовым с его бездеятельностью и безответственным мышлением трикстера. На уровне черновиков изображена моральная победа Барклая де Толли („что было правда”) над Кутузовым, последний связан с мифотворческим сознанием коллективного русского человека.
4. В подтверждение метода Толстого проведен анализ первоисточников, касающихся одного эпизода в *Войне и мире*, в котором принималось решение о результате битвы (3.2.XXXV). В нем выделены следующие пласты: тексты первоисточников, историографическая версия, черновая версия Толстого и итоговая, беловая версия. В каждом из пластов по-разному сталкиваются и переплетаются два нарратива: мифологизация точки зрения на результат сражения и ее демифологизация. В окончательной версии Толстой изобразил **моральную победу Кутузова** („обман спящего сознания”) над союзниками – немецкими мемуаристами и ветеранами. Анализ всех текстов первоисточников пока-

зывает противоречия, с которыми не могла справиться историография того времени.

5. Попутно был рассмотрен миф об упущенной победе в историческом и литературном контекстах, за которым кроется ложное представление россиян о военной победе в Бородинском сражении. Постулируется правило ретроспекции: только потеряв возможность совершать действие, ветераны в позднее время стали говорить о победе, которую у них украли. Порождение мифа живо представлено в черновых записях Толстого, из которых вырос эпизод 3.2.XXXV, они же показывают, что распространителем слухов о победе был Кутузов, озабоченный созданием заранее известного результата битвы в донесении императору.

References

- Ajrapetân, Vardan. *Tolkuâ slovo. Opyt germenевtiki po-russki*. Moskva, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011.
- Bahtin, Mihail. „Avtor i geroj i v èstetièeskoj deâtel'nosti”. *Sobranie soèinenij Mihaila Bahtina*. T. 1. Moskva, Russkie slovari. Âzyki slavânskoj kul'tury, 2003, s. 69–263.
- Bahtin, Mihail. „Formy vremeni i hronotopa v romane”. *Sobranie soèinenij Mihaila Bahtina*. T. 3. Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2012, s. 399–404.
- Barklaj de-Tolli, Mihail. *Izobraženie voennyh dejstvij Pervoj armii v 1812 godu*. Moskva, V universitetskoj tipografii, 1859.
- Beskrovnyj, Lûbomir, red. *M.I. Kutuzov. Sbornik dokumentov*. T. 4, è. 1. Moskva, Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony Soûza SSR, 1954.
- Boânovska, Èdita. „Byl li Tolstoj kolonial'nym zemlevladel'cem? Problemy èastnoj sobstvennosti i poselenèeskij kolonializm v baškirskoj stepi”. Trans. Elizaveta Timofeeva. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (182), 2023, s. 156–183.
- Bogdanoviè, Modest. *Istoriâ Oteèestvennoj vojny 1812 goda, po dostovernym istoènikam*. T. 2. Sankt-Peterburg, Tipografiâ torgovogo doma S. Strugovšikova i Ko, 1859.
- Bojanowska, Edyta. „Was Tolstoi a colonial landlord? The dilemmas of private property and settler colonialism on the Bashkir steppe”. *Slavic Review*, 81 (2), 2022, s. 324–348.
- Clark, Christopher. *The sleepwalkers: How Europe went to war in 1914*. London, Allen Lane, 2012.
- Davydov, Denis. *Zameèaniâ na nekrologiû N.N. Raevskogo*. Moskva, V tipografii Avgusta Semena, 1832.
- Dergaèeva, Irina, Vladimir Dergaèev. „O kriterii adekvatnosti hudožestvennogo vymysla v izobraženii Oteèestvennoj vojny 1812 g. (k voprosu o polemike A.S. Norova s L.N. Tolstym)”. *Èlektronnyj žurnal „Âzyk i tekst”*, 4 (2), 2017, s. 32–39.
- Èjdel'man, Tamara. *Kto pobedil v Borodinskoj bitve? Ne vse tak odnoznaèno!* Web. 19.09.2025. <https://www.youtube.com/watch?v=Dd-4woFm48A>.
- Fischhoff, Baruch. “Hindsight ≠ foresight: The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty”. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1, 1975, s. 288–299.

- Klark, Kristofer. *Somnambuly: Kak Evropa prišla k vojne v 1914 godu*. Per. Aleksej Snigirov. Moskva, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2023.
- Klauzevic, Karl fon. *1812 god*. Per. Aleksandr Račinskij. Moskva, Zaharov, 2004.
- Kuhle, Arthur. „Putting theory into practice: Ludwig von Wolzogen and the Russian campaign in 1812”. *War in History*, 27 (2), 2020, s. 156–178.
- Lermontov, Mihail. *Polnoe sobranie sočinenij v 10 tomah*. T. 2, Moskva, Voskresen'e, 2000, s. 63–66.
- Liprandi, Ivan. *Pâtidesâtiletie Borodinskoj bitvy, ili komu i v kakoj stepeni prinadležit čest' ètogo dnâ*. Moskva, V Universitetskoj tipografii (Katkov i Ko), 1867.
- Majorova, Ol'ga. „Narodnaâ vojna i pčelinyj ulej: naciâ i imperiâ v «Vojne i mire»”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (188), 2024, s. 87–105.
- Mihajlovskij-Danilevskij, Aleksandr. *Opisanie Otečestvennoj vojny v 1812 godu*. T. 2. Sankt-Peterburg, Voennaâ tipografiâ, 1839.
- Norov, Avraam. *Vojna i mir 1805–1812 s istoričeskoj točki zreniâ i po vospominaniâm sovremennika*. Po povodu sočineniâ grafa L.N. Tolstogo „Vojna i mir”. Sankt-Peterburg, tip. Dep. udelov, 1868.
- Potapova, Natal'â. „Voennaâ travma 1812 goda: fizičeskie uveč'â i publičnaâ nemota”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (188), 2024, s. 106–122.
- Roese, Neal, Kathleen Vohs. „Hindsight Bias”. *Perspectives on Psychological Science*, 7 (5), 2012, s. 411–426.
- Simoni, Pavel, red. „Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proč. XVII–XIX stoletij. I: XVII veka”. *Sbornik otdeleniâ russkogo âzyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*, 66, 7, 1900, s. 1–216.
- Stiegler, Bernard. *Technics and time, 1: The Fault of Epimetheus*. Per. Richard Beardsworth, George Collins. Stanford, Stanford University Press, 1998.
- Szubin, Roman. „Retrospektivnye patterny v literature o vojne: 1812”. *Przeгляд Rusycystyczny*, 3, 2025, s. 66–89.
- Šklovskij, Viktor. *Izbrannoe. V 2-h tomah*. T. 1. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1983.
- Tolstoj, Lev. *Война и мир / том 3. Polnoe sobranie sočinenij*. T. 11. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1940a. Web. 19.09.2025. https://tolstoy.ru/upload/iblock/337/11_tom.pdf.
- Tolstoj, Lev. *Война и мир / том 4. Polnoe sobranie sočinenij*. T. 12. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1940b. https://tolstoy.ru/upload/iblock/46d/12_tom.pdf.
- Tolstoj, Lev. *Война и мир. Черновые редакции и варианты. Polnoe sobranie sočinenij*. T. 13. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1949. Web. 19.09.2025. https://tolstoy.ru/upload/iblock/682/13_tom.pdf.
- Tolstoj, Lev. *Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть 2. Polnoe sobranie sočinenij*. T. 14. Moskva, Gosudarstvennoe izdanie hudožestvennoj literatury, 1953. Web. 19.09.2025. https://tolstoy.ru/upload/iblock/0f6/14_tom.pdf.
- Troickij, Nikolaj. *1812. Velikij god Rossii*. Moskva, Omega, 2007.
- Vahštajn, Viktor. „Ot germenevтики podozreniâ k sociologii podozritel'nosti: meždu Polem Rikërom i Niklasom Lumanom”. *Logos*, 31 (3), 2021, s. 149–174. Web. 19.09.2025. <https://www.logosjournal.ru/articles/2290/>.
- Vâzemskij, Petr. „Vospominaniâ o 1812 gode”. *Polnoe sobranie sočinenij Petra Vâzemskogo*. T. 7. Sankt-Peterburg, Izdanie grafa Šeremeteva, 1882, s. 191–213.
- Wolzogen, Ludwig Freiherrn von. *Memoiren des königlich preussischen Generals der Infanterie*. Leipzig, Verlag von Otto Wiegand, 1851.

- Zorin, Andrej. „«Začem lúdi drug druga ubivaút?» (Tolstoj i imperiâ)”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4 (188), 2024, s. 74–86.
- Zubkov, Kirill. „Poraženie kak pobeda: Narrativ o Krymskoj vojne i istoričeskaâ pamât' v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX veka”. *Acta Slavica Iaponica*, 44, 2023, s. 1–24.
- Žukov, Ivan. „Mysli i zamečaniâ o pláne otstupleniâ Russkih vojsk vnutr' Imperii pri našestvii Napoleona”. *Čteníâ v Imperatorskom obšestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*. Kn. IV. Moskva, V Universitetskoj tipografii, 1867, s. 16–38.